
ИДЕИ И ПРАКТИКА

О.Ю. МАЛИНОВА*

ОБОСНОВАНИЕ ПОЛИТИКИ 2000-х ГОДОВ В ДИСКУРСЕ В.В. ПУТИНА И ФОРМИРОВАНИЕ МИФА О «ЛИХИХ ДЕВЯНОСТЫХ»¹

Аннотация. Статья является частью проекта, посвященного конструированию смысловых рамок коллективной памяти о девяностых и нулевых годах XX в. в российском политическом дискурсе. Она анализирует репрезентации опыта девяностых годов в выступлениях В.В. Путина с января 2000 г. по май 2008 г. Автор выделяет четыре способа конструирования смысловых рамок памяти о девяностых годах: 1) критические оценки политики 1990-х годов и ее результатов; 2) конструирование узнаваемых слов-знаков, 3) использование популистской риторики, сочетающей демонстрацию заботы о людях с явной и неявной критикой «других» политиков; 4) воспроизводство нарративов, позволяющих неявно формировать представления о связи между событиями за счет отбора и последовательности эпизодов, а также характеристики действующих лиц. Пред-

* **Малинова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, e-mail: omalinova@hse.ru

Malinova Olga, National Research University Higher School of Economics; Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia), e-mail: omalinova@hse.ru

¹ Исследование проводится в рамках проекта «Конструирование смысловых рамок коллективной памяти в политическом дискурсе: “лихие девяностые” vs “стабильные нулевые”» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 17-03-00322.

ставляя собственный политический курс по контрасту с предшествующим периодом, В. Путин способствовал формированию мифа о «лихих девяностых».

Ключевые слова: коллективная память; символическая политика; политический дискурс; миф; официальный нарратив; Путин; сильное государство; стабильность; популизм; Чеченская война.

Для цитирования: Малинова О.Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. – М., 2018. – № 3. – С. 53–84. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.03

O.Yu. Malinova

Justifying the political course of the 2000 s and constructing the myth about «the hard nineties» in the Vladimir Putin’s discourse

Abstract. The article is a part of the study devoted to framing of memory about the 1990 s and the 2000 s in the Russian political discourse. It presents the results of analysis of representations of the 1990 s in Vladimir Putin’s speeches and interviews from January, 2004 to May, 2008. The author reveals four methods of framing the experience of the 1990 s: 1) explicit criticism of the policy of the 1990 s and its results; 2) constructing recognizable verbal signs; 3) using populist rhetoric that combines demonstration of care about people’s needs with criticism of «the other» politicians; 4) telling narratives that implicitly shaped connections between events by the selection of episodes and roles assigned to actors. By representing his policy in contrast to the previous experience, Putin contributed to constructing the myth about «the hard nineties».

Keywords: collective memory; symbolic politics; political discourse; political myth; official narrative; strong state; stability; populism; War in Chechnya.

For citation: Malinova O.Yu. Justifying the political course of the 2000 s and constructing the myth about «the hard nineties» in the Vladimir Putin’s discourse // Political science (RU). – М, 2018. – N 3. – P. 53–84. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.03

Противопоставление «стабильных нулевых» «лихим девяностым» – прием, часто используемый российскими политиками и журналистами. Девяностые годы устойчиво ассоциируются с «ослаблением государства» и неконтролируемой децентрализацией власти, «беспределом», экономическими трудностями и утратой влияния на мировую политику; нулевые годы – с возвращением «сильного государства» и «укреплением вертикали» исполнительной власти, обретением политической и экономической «стабильности», упрочением международного статуса. Смысл данной оппозиции кажется «самоочевидным», вытекающим из пережитого личного и коллективного опыта. Однако анализ социологических данных показывает, что в действительности квалификация 1990-х

как «тяжелого десятилетия» складывалась ретроспективно. Опросы, проводившиеся непосредственно в этот период, зафиксировали более значительный разброс позитивных и негативных оценок происходивших трансформаций по сравнению с данными, полученными в середине 2000-х годов [Левинсон, 2007, с. 492–496]. Согласно выводам социолога А. Левинсона, начальный момент переоценки опыта девяностых годов совпал с добровольной отставкой Б. Ельцина и был следствием реакции недовольства и разочарования действиями его правительства. Приход к власти В. Путина, по стечению обстоятельств совпавший с началом третьего тысячелетия, воспринимался как начало новой эры. По наблюдениям Левинсона, в первой половине 2000-х годов «1990-е подверглись не только гомогенизации, перекрашиванию в один цвет, но и ревизии. Мнение о том, что это было десятилетие исторического прорыва, изменившего к лучшему судьбы чуть ли не половины человечества, исчезло из обихода. Выдвинута прямо противоположная оценка тех же событий как катастрофы XX века» [там же, с. 503].

С точки зрения теории символической политики изменение общественных настроений, зафиксированное опросами левадовского ВЦИОМ, не следует рассматривать как реакцию на нечто «очевидное». Очевидным был лишь факт прихода нового президента, но не содержание его политического курса (вспомним, как после отставки Ельцина все задавались вопросом: «Who is Mr. Putin?»). Сфера политики не является частью непосредственного жизненного опыта большинства граждан, поэтому ожидания, связанные со сменой власти, формируются в ответ на сигналы, подаваемые политическими акторами и «осведомленными» лидерами мнений [Edelman, 1972]. С учетом этого есть основания предполагать, что оппозиция девяностых и нулевых годов сформировалась и поддерживается, наполняясь новыми смыслами, в процессе взаимодействия разных дискурсов.

Необходимость исследования символической борьбы, продуктом которой является противопоставление «лихих девяностых» «стабильным нулевым», подкрепляется и теориями социальной / коллективной памяти, утверждающими, что представления о прошлом всегда имеют социальную природу. Личный опыт, откладываясь в воспоминаниях, вписывается в смысловые рамки (фреймы), усваиваемые индивидами через дискурсы, которые они

потребляют и производят. Для описания этого феномена французский социолог Морис Хальбвакс ввел в 1920-х годах понятие «коллективная память» [Halbwachs, 1992]. Концепция коллективной памяти рассматривает представления о прошлом не столько как достояние индивидов, сколько как производное от символов и нарративов, доступных в публичном пространстве, а также социальных средств их сохранения и передачи. Большинство современных исследователей вслед за американским социологом Джеффри Оликом считают нужным различать сформированную социально разделяемыми представлениями память индивидов (collected memory, массовая индивидуальная память, изучается на индивидуальном уровне) и символические структуры, задающие социальные паттерны вспоминания прошлого (collective memory, собственно коллективная память, изучается на социетальном уровне) [Olick, 1999; Müller, 2004; Langenbacher, 2010; etc.].

Предметом настоящего исследования является collective memory в обозначенном выше смысле. В соответствии с таксономией, предложенной Алейдой Ассман, в отличие от социальной памяти как «скоординированной памяти отдельных индивидов», основанной на непосредственной речевой коммуникации, коллективная память характеризуется «наличием опоры в виде символов, которые закрепляют воспоминания для будущего» и обеспечивают их «императивную общность» для следующих поколений [Ассман, 2014, с. 32]. «Символы, закрепляющие воспоминания», могут быть вербальными и невербальными. Они формируются усилиями различных социальных акторов – журналистов, публицистов, кинематографистов, художников и др. В этом ряду особая роль принадлежит политикам, поскольку память о недавнем прошлом служит им инструментом оправдания или критики политики, проводимой в настоящем. Прибегая к этому ресурсу, они вольно или невольно включаются в борьбу интерпретаций постепенно становящегося историей коллективного опыта, участвуют в формировании закрепляющих его мифов и стереотипов.

Настоящая статья подготовлена в рамках исследовательского проекта о конструировании смысловых рамок коллективной памяти о девяностых и нулевых годах в российском политическом дискурсе. В ней представлен анализ репрезентации опыта девяностых годов в выступлениях В. Путина с января 2000 г. по май 2008 г. Исследование охватывает период, когда после отставки Б. Ельцина

В. Путин вел свою первую избирательную кампанию, одновременно исполняя обязанности главы государства, а также первые два срока его работы в этой должности. Особое внимание уделяется началу 2000-х годов, когда в контексте обоснования нового курса складывались основные принципы репрезентации опыта 1990-х годов. Учитывая, что отмеченные Левинсоном изменения общественного мнения оформились именно в этот период, есть основания полагать, что исследование риторики В. Путина как главного агента перемен, приведших к смене политических эпох, дает ключ к пониманию их символических механизмов.

Методика исследования

Для анализа были отобраны стенограммы *всех* публичных выступлений и интервью, в которых затрагивались темы, имеющие отношение к политике и общественным практикам девяностых годов (N=185, в том числе N=108 – для первого президентского срока Путина и N=77 для второго; источник – портал «Президент России»). Исследование проводилось методом качественного контент-анализа с помощью программы «MAXQDA 2018», которая позволяет формировать систему кодов, находить по запросу закодированные исследователем фрагменты, анализировать их пересечения и оценивать их вес в различных группах текстов. Целью кодирования было выделить основные паттерны репрезентации и противопоставления «ельцинского» и нового, «путинского» этапа. Система кодов формировалась индуктивно: сначала в тексте выделялись ключевые слова и темы, использовавшиеся для характеристики прежнего и нового курса; на основе их анализа и обобщения были выделены *категории* (коды, снабженные операциональными признаками) и субкатегории, которые в дальнейшем использовались для кодирования сходных по смыслу фрагментов текста. Система кодов пополнялась и уточнялась по мере появления новых ключевых слов и ключевых тем.

Выбор индуктивной методики кодирования объясняется необходимостью зафиксировать изменения, происходившие в дискурсе В. Путина на протяжении восьми с лишним лет. Однако эта методика не позволяет делать точные подсчеты, поскольку при индуктивном кодировании сложно обеспечить строгое единообра-

зие классификации высказываний. Поэтому при описании результатов исследования я ограничиваюсь словесной характеристикой паттернов.

При обобщении результатов первичного кодирования получились категории двух типов. Категории первого типа были образованы на основе часто используемых ключевых слов (*сильное государство, сильная власть, наведение порядка, диктатура закона, стабильность, единство, демократия, свобода* и т.п.). Они представляют собой *слова-знаки*, которые на уровне означаемого могут иметь разные следствия¹. Будучи активно употребляемыми как самим В. Путиным, так и другими спикерами, такие слова-знаки могут рассматриваться в качестве инструментов конструирования смысловых рамок памяти – вербальных «символов, закрепляющих воспоминания». Категории второго типа (мы будем называть их *аналитическими*) складывались путем выявления общих признаков высказываний, имевших сходные интенции (*популизм, консолидация, международный статус России* и т.п.); выполняя одинаковые смысловые функции, они не имеют сходства на уровне лексических маркеров. Как будет показано ниже, эти типы связаны с разными способами легитимации власти нового лидера по контрасту с предшественником.

Критика опыта 1990-х годов в выступлениях В. Путина

Оправдание (justification) политического курса всегда так или иначе опирается на оценки предшествующего периода. Это одна из причин, по которой недавнее прошлое оказывается предметом внимания политиков раньше, чем к нему обращаются историки. В случае смены лидера и / или команды, когда важно сформировать образ новой власти, логично ожидать, что опыт предыдущей команды будет интерпретироваться критически. Придя к власти в качестве преемника, выбранного самим Б. Ельциным, В. Путин оказался в сложном положении: с одной стороны, ему важно было дистанцироваться от непопулярного предшественника, с другой – требовалось

¹ К тому же выводу пришел К.Е. Петров, анализирувавший вариации концепта «сильное государство» в российском политическом дискурсе [Петров, 2006, с. 175].

соблюдать лояльность по отношению к нему. Принято считать, что в первые годы пребывания у власти В. Путин воздерживался от критики Ельцина. Этот вывод подтверждается и нашими наблюдениями на материале президентских посланий Федеральному собранию: в них нарратив о распаде СССР как «крупнейшей геополитической катастрофе века» и о трудном опыте 1990-х годов появился в 2004–2005 гг. [Малинова, 2015, с. 145–146]. Однако изучение полного корпуса выступлений В. Путина показало, что он и прежде не упускал возможности набрать очки за счет критики в адрес предшественников. При этом количество критических высказываний в заранее подготовленных выступлениях и спонтанных ответах на вопросы примерно одинаково. Основная доля негативных оценок девяностых годов приходится на первые годы пребывания В. Путина у власти. Это подтверждает наше предположение о том, что критика В. Ельцина была неизбежной данью законам политической риторики – ведь в дальнейшем роль «фона» стали играть результаты политики самого В. Путина. Как мы увидим, это потребовало некоторой корректировки нарратива о девяностых и нулевых годах.

В начале своего президентства, выступая перед разными аудиториями, В. Путин негодовал по поводу многомесячных задержек с выплатами пенсий, пособий и зарплат; вспоминал о потерях, которые за годы реформ понесли сельское хозяйство, оборонная промышленность, наука и образование; сожалел о том, что за прошедшие десять лет государство «недопустимо мало сделало» по отношению к соотечественникам [Путин, 2001 б]. Он критиковал решение о выплате долгов СССР [Путин, 2001 а] и порицал прежнее правительство за нерешительность в проведении пенсионной реформы [Путин, 2002 а]. Во время своей первой избирательной кампании Путин назвал «крупномасштабной ошибкой» Хасавюртовские соглашения 1996 г., в соответствии с которыми федеральные войска покинули Чечню [Путин, 2000 б]. Этот пункт его критической повестки имел заметный резонанс в СМИ. Взявшись за формирование «вертикали» федеральной исполнительной власти, призванной исправить издержки децентрализации, избранный президент не раз говорил, что «мы несвоевременно перешли к выборности [руководителей регионов. – О. М.] – слишком далеко шагнули... Нужно было проявить большую осмотрительность и

осторожность»¹ [Путин, 2000 в]. Это тоже широко обсуждалось. Впрочем, в то время Путин полагал, что «отбирать право избирать и быть избранными – неправильно» [там же]. Можно привести и некоторые другие примеры, когда, стремясь заручиться поддержкой избирателей или разъясняя собственную политику, В. Путин критиковал действия своих предшественников (без указания имен – что тоже отвечает «правилам жанра»). Однако нельзя сказать, что он делал это часто – нейтральных и позитивных характеристик ельцинского периода в его выступлениях было существенно больше.

Но не критика была главным инструментом формирования негативного образа девяностых годов в дискурсе В. Путина. Легитимируя собственную власть, он представлял свой политический курс в качестве *исправления ошибок девяностых* годов. Тем самым он умышленно или неумышленно конструировал оппозицию девяностых и нулевых годов, наделяя эти отрезки исторического времени противоположными качествами. Следует заметить, что репрезентация реальности по бинарному принципу вообще свойственна человеческому мышлению: стремясь понять действительность, люди часто оперируют полярными по смыслу категориями [Binaries in battle... 2014, p. 7–8]. По наблюдениям Ю. Лотмана и Б. Успенского, подобный дуализм особенно характерен для русской культуры Нового времени [Лотман, Успенский, 2002]. И хотя отсылки к недавнему историческому опыту в риторике В. Путина иногда имели вид тернарных конструкций (советский этап – девяностые годы – современный этап), в начале 2000-х годов он существенно чаще апеллировал к опыту предыдущего десятилетия.

Ниже рассмотрим три способа легитимации по контрасту с предшествующим периодом, характерных для дискурса В. Путина в 2000–2008 гг. Они связаны с использованием: 1) узнаваемых слов-знаков; 2) популистской риторики, сочетающей демонстрацию заботы о людях / понимания их нужд с явной и неявной критикой «других»; 3) нарративных конструкций, формирующих рассказы о событиях недавнего прошлого за счет отбора действующих лиц и выстраивания последовательности значимых эпизодов.

¹ Здесь и далее выделения курсивом в цитатах сделаны автором статьи.

Слова-знаки: «сильное государство»

Ярким примером слова-знака является категория «*сильное государство*». Она распадается на несколько субкатегорий: в разных случаях, говоря о «сильном государстве», В. Путин имел в виду разные вещи – «сильную власть» (власть, обладающую должной «политической волей»), борьбу с сепаратизмом и стабилизацию государственных границ (прекращение «расползания государства»), совершенствование механизмов государственного управления («укрепление государства»), более уверенную защиту национальных интересов на международной арене, наконец, «силу» как качество макрополитического сообщества, стоящего за Российским государством.

Во всех этих значениях категория «сильное государство» имела оттенок противопоставления *силы*, декларируемой применительно к настоящему или будущему, – *слабости*, связываемой с наследием недавнего прошлого. Например, в «Открытом письме» избирателям, подготовленном к официальному началу его избирательной кампании, В. Путин назвал «*ослабление воли*» «нашей первой и самой главной проблемой». Сетую на «*разболтанную государственную машину*» и «*все больше теряющую лицо*» власть, он декларировал: «*Пора наконец вступить в прямой контакт с проблемами. И в первую очередь с самыми опасными из них*» [Путин, 2000 а]. Наиболее насущные для общества вопросы – недостаток уверенности в завтрашнем дне, разгул преступности, отсутствие внятных правил для бизнеса, коррупцию, необходимость бороться с сепаратизмом и терроризмом в Чечне и т.п. – В. Путин связывал с «*ослаблением государства*», «*разболтанностью государственных институтов*» [Путин, 2000 г. и др.].

Эта тема была одной из главных в его избирательной кампании. Вскоре после инаугурации В. Путин издал указ о введении федеральных округов и инициировал серию законов, призванных укрепить «вертикаль» исполнительной власти. Они предусматривали изменение принципов формирования Совета Федерации; учреждение порядка отстранения от должности руководителей регионов и роспуска законодательных собраний, принимающих акты, идущие вразрез с федеральными законами; а также аналогичное право для глав территорий в отношении нижестоящего уровня власти. Выступая по этому случаю со специальным теле-

обращением, В. Путин подчеркивал, что «речь идет о законах, которые скрепляют и цементируют российскую государственность» [Путин, 2000 д]. Таким образом, «восстановление... работающей властной вертикали» было представлено как первый шаг к «*сильной и ответственной власти*» [там же]¹.

Словосочетание «сильное государство» имело очевидные антилиберальные коннотации. Вспомним, что тезис о «засилье тоталитарного государства» играл важную роль в перестроечном дискурсе, а в дальнейшем идея ограничения государства стала едва ли не центральным элементом постсоветских версий либерализма в России [Малинова, 2017, с. 11–12]. «Сильное государство» вызывало ассоциации с диктатурой и у части зарубежной аудитории, тем более что В. Путин и сам любил говорить о «диктатуре закона». В многочисленных интервью он вынужден был разъяснять, что за идеей «сильного государства» «не стоит ничего, кроме... необходимости достижения... состояния, при котором *государство будет эффективным* в достижении задач, которые перед этим государством стоят» [Путин, 2001 в]. В конечном счете он стал употреблять эти прилагательные через запятую, доказывая, что «*построение сильного, эффективного государства* не может и не должно ни в коем случае приводить к нарушениям гражданских свобод» [Путин, 2000 е]. В выступлениях 2003–2008 гг. В. Путин чаще говорил об «*эффективном государстве*». Однако на начальном этапе противопоставление *силы – слабости* сыграло важную роль в легитимации власти молодого и энергичного В. Путина по контрасту со старым и больным Ельциным.

Защищаясь от обвинений в антилиберальности, В. Путин вносил свою лепту в конструирование нарратива о «разгуле свобо-

¹ Любопытно, что, когда осенью 2004 г., после захвата заложников в Беслане В. Путин инициировал введение нового порядка назначения глав регионов, он тоже использовал оппозицию *силы и слабости*. В специальном обращении он заявил: «...нужно признать, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом... *Проявили слабость. А слабых – бьют*» [Путин 2004 б]. Однако было бы неверно видеть в этом параллель с «ослаблением государства» при Ельцине в 1990-е годы: в данном случае рассуждения о «нашей слабости» были призваны подчеркнуть угрозу безопасности и обосновать необходимость *сильной* чрезвычайной меры – отмены выборов руководителей регионов, которую Путин и сам еще недавно отвергал.

ды» в 1990-х годах. С одной стороны, он неизменно признавал, что Ельцин «дал России свободу» [Путин, 2003 а; ср.: Путин, 2006]. А с другой стороны, не раз указывал на перегибы либеральной политики 1990-х годов. Так, в июле 2000 г., возражая своим критикам, он говорил: «В результате того, что *власть парализовала себя* внутренними противоречиями, мы получили, наверное, самое свободное общество – к сожалению, *свободное даже от закона, порядка и морали*. Многих это устраивало – *потому что было выгодно*. Теперь, когда «сладкая жизнь» кончилась и от разговоров о порядке мы перешли к наведению этого самого порядка, понеслись крики – мол, это угроза свободе, угроза демократии! Но есть ли для этого основания?» [Путин, 2000 е]. Называя свободу достижением 1990-х годов, В. Путин высказывал сомнение в ее качестве, называя ее чрезмерной («даже от закона, порядка и морали») и намекая, что свобода-беспорядок способствовала чьей-то выгоде. Это позволяло представить «укрепление государства» как меру, если и ограничивающую «свободу», то ради «порядка», который не удалось навести Ельцину. В середине 2000-х годов, когда началась активная работа с идеологемой *суверенной демократии*, В. Путин тщательно оговаривал, что речь не о «той» демократии, которая ассоциируется с девяностыми годами: «думаю, что многие со мной согласятся: *внедрение принципов и норм демократии не должно сопровождаться развалом государства и обнищанием народа*. Мы считаем, и я лично считаю, что внедрение и укрепление демократии на российской почве не должно компрометировать самого понятия демократии. Оно должно *укреплять государственность и улучшать жизнь людей*. Вот в этом направлении мы и будем действовать» [Путин, 2005 а]. Таким образом, признавая «свободу» и «демократию» достижениями девяностых годов, В. Путин заботился о том, чтобы поставить под сомнение их «качество». Это было частью стратегии легитимации его собственной политики: антилиберальные и антидемократические меры оправдывались необходимостью формирования «правильной» свободы (опирающейся на «диктатуру закона») и «настоящей» демократии (не разрушающей государство и не ухудшающей жизнь людей).

Слово-знак «сильное государство» в выступлениях В. Путина имело множество смысловых и причинно-следственных связей с другими словами-знаками, описывавшими политические задачи его первого президентского срока – такими как «наведение порядка»,

установление «диктатуры закона», восстановление территориальной целостности, «борьба с терроризмом» в Чечне и даже формирование «сильного и процветающего гражданского общества». С учетом этого его можно рассматривать в качестве центральной категории дискурса В. Путина начала 2000-х годов.

В дальнейшем, как уже упоминалось, предпочтение было отдано выражению «эффективное государство». Однако если «сила» – это качество, которое можно было декларировать через противопоставление «слабой», «расхлябанной», «дряблой» власти 1990-х, то «эффективность» – свойство, которое непросто продемонстрировать, ибо государственная машина всегда имеет недостатки. Примечательно, что к середине 2000-х годов нарратив о восстановлении «сильного / эффективного государства» трансформировался в историю о том, как на смену «политике стабилизации» приходит «политика, устремленная в будущее», для которой «нам крайне необходимо *эффективное государство*», причем «несмотря на многие позитивные изменения, эта действительно центральная проблема в полной мере не решена» [Путин, 2005 а].

Впрочем, во второй половине 2000-х годов выражение «сильное государство» стало чаще использоваться во внешнеполитическом контексте. После серии «цветных революций» в соседних странах В. Путин стал говорить о былой «слабости» как потенциальном источнике несамостоятельности. В одном из интервью он прямо связывал интерес западных партнеров к теме демократии в России с утратой рычагов экономического влияния: «Россия в начале 90-х – в середине 90-х годов испытывала очень тяжелые потрясения в экономике... – вспоминал В. Путин. – Государство не могло решать своих социальных задач перед населением без привлечения огромных крупномасштабных финансовых ресурсов из-за рубежа. Поэтому на Россию *в связи с ее слабостью* существовало *очень много инструментов влияния на ее внешнюю и внутреннюю политику*. Сегодня эти инструменты утрачены, а желание влиять на внешнюю и внутреннюю политику у некоторых наших партнеров осталось» [Путин, 2006 б]. Одним из главных итогов своего восьмилетнего правления В. Путин считал то, что «Россия вернулась на мировую арену как *сильное государство* – государство, с которым считаются и которое может постоять за себя» [Путин, 2008].

Слова-знаки: обретение «стабильности»

Не имея возможности рассмотреть все слова-знаки, обнаруженные в выступлениях начала 2000-х годов, остановимся еще на одном примере. Категория «стабильности» / «стабилизации» примечательна тем, что стала частью распространенного тропа: «лихие девяностые» принято противопоставлять «стабильным нулевым». Риторика первых лет путинского президентства могла способствовать формированию данной оппозиции. Хотя В. Путин не использовал слово «лихие» для характеристики предыдущего десятилетия, он не раз говорил о «стабильности» как цели новой государственной политики. Стенограммы периода его первой избирательной кампании дают возможность проследить, как формировалась эта смысловая конструкция. В феврале 2000 г. во время интервью ОРТ В. Путин заметил, что недостаток политической стабильности является одной из причин невнимания зарубежных инвесторов к России («У нас всегда долгие годы развитие было от одного путча к другому», – подчеркнул он). Подхватив тему, интервьюировавший его М. Леонтьев спросил: «Вы – фактор стабильности?». На что В. Путин туманно ответил: «Мне кажется, что президент, который будет избран, должен быть таким фактором...». А в конце интервью, перейдя к обсуждению собственного быта на казенной даче, он философски обобщил: «Мы все живем, как на чемоданах. У нас вся страна живет, как на чемоданах, в последние 10 лет. И вот это та как раз проблема, о которой мы с Вами говорили. Проблема *стабильности*... Будем надеяться, что мы все это чувство себе вернем» [Путин, 2000 ж].

В дальнейшем В. Путин не раз использовал это слово-знак для характеристики собственной политики, при этом он выделял два аспекта – *политическую стабильность общества и государства и стабильность экономики / экономический рост*, проводя между ними причинную связь: «Меры переходного периода исчерпаны, но чтобы нынешняя *политическая стабильность* в конечном счете обернулась *экономическим процветанием*, надо приложить еще очень много сил, потратить не один год» [Путин, 2001 г.].

В конце первого президентского срока В. Путина «стабильность» из обозначения цели превратилась в констатацию результата – и здесь обнаружилась семантическая ловушка: «стабильность» выглядела привлекательной по контрасту с турбулентностью переход-

ного периода. Но по мере того как «ближним историческим фоном» становились результаты политики инкумбента, «стабильность» приобрела подозрительную коннотацию «застоя». Это обстоятельство не ускользнуло от внимания спичрайтеров – в послание Федеральному собранию 2002 г. была вставлена фраза: «...мы не должны дожидаться, пока достигнутая стабильность превратится в административный застой» [Путин, 2002 б]. Во время своей второй избирательной кампании В. Путин прилагал заметные усилия, чтобы, не отказываясь от «стабильности» как одного из главных своих достижений, избежать ассоциации с застоём. Он подчеркивал: «...стабильность, которой мы сегодня так дорожим, – разумеется, только необходимое условие для развития. А целью развития является благосостояние граждан» [Путин, 2004 а]. Позже, в годы президентства Д. Медведева, семантическое противоречие между стремлением сохранить «стабильность» и необходимостью развития выразится в оксюмороне «консервативная модернизация».

В. Путин считал политическую «стабильность» одним из основных достижений своего первого президентского срока. В 2004 г. он с гордостью говорил: «Я считаю, что ситуация *нормализации и стабильности уже наступила...*» [Путин, 2004 в]. Примечательно, что когда во время его второго президентского срока возникла проблема передачи власти, В. Путин снова заговорил о «стабильности». С одной стороны, он утверждал, что не собирается менять Конституцию, ибо «самым главным элементом в укреплении российской государственности на сегодняшний день является *стабильность*» [Путин, 2005 б]. А с другой стороны, заверял, что будет нести «полную ответственность за положение в стране» вплоть до передачи власти новому президенту и «не допустит никакой *дестабилизации* в России» [Путин, 2005 в].

«Стабильность», про которую В. Путин часто рассуждал, говоря сначала о целях, а затем и результатах своей политики, также работала на конструирование оппозиции девяностых и нулевых годов. В данном случае противоположность не задавалась с помощью регулярно используемых антонимов. Однако, как показывает исследование британского лингвиста Мэтта Дэвиса, «мистерия порождения оппозиций» не обязательно связана с лексической семантикой: «Слова и фразы, которые мы обычно не понимаем в противоположном смысле, становятся противоположностями на концептуальном уровне», когда они включаются в типические фреймы противопоставле-

ния [Davies, 2013, p. 2]. «Возвращение стабильности», «достигнутая стабильность», «период стабилизации» – все эти формулировки противопоставляют *прошлую НЕ-стабильность* нынешнему состоянию *стабилизации / стабильности*. На данном примере видно, что негативное фреймирование девяностых годов было в каком-то смысле «побочным продуктом» легитимации политики начала нулевых.

С «заботой о людях»: Популистская риторика начала 2000-х

Результаты индуктивного кодирования стенограмм В. Путина указывают и на другой способ легитимации по контрасту, который, будучи типичным для многих политиков, в данном случае оказался особенно успешным. Речь идет об аналитической категории *популизм*. Это название было присвоено коду, выделенному по сочетанию признаков: 1) забота о людях / понимание их проблем / открытость к коммуникации и 2) критика элит.

В проанализированных нами текстах слово «популизм» не является ключевым: оно использовалось редко и в более узком значении – в качестве синонима демагогии¹. Однако высказывания, соответствующие выделенным признакам, не только многочисленны, но и связаны практически со всеми другими категориями. *Популизм* – вторая центральная категория путинского дискурса начала 2000-х годов после «сильного государства».

Это наблюдение указывает на один из секретов быстрого роста популярности В. Путина: дело не только в том, что выбранные им ключевые темы отвечали общественным запросам, но и в том, что, развивая их, он стремился продемонстрировать глубокое понимание чаяний людей. Так, необходимость «сильного государства» В. Путин связывал с тем, что «люди устали от нашей *расхлябанности, безответственности*» [Путин, 2000 з]. Оценивая общественную реакцию на решительные действия на Северном Кавказе, он говорил: «В душе, может быть, каждый человек и не формулирует это так, как это на самом деле есть, но это правильные представления – о том, что *государство ослабло, а оно должно быть сильным*» [Путин, 2000 и]. Шаги, направленные на трансформацию партийной

¹ Например, в интервью: «... “Единой России” все-таки удалось... не скатиться к популизму, а принимать ответственные решения» [Путин, 2003 б].

системы путем создания «сильных партий», обосновывались тем, что *«гражданам России надоела идейная война. Они ждут от власти политической воли, настойчивости в доведении начатых дел...»* [Путин, 2000 к].

Подобные риторические приемы помогали создавать образ лидера, отвечающего потребностям граждан. Однако эти приемы типичны для дискурса политиков; их использовал и Ельцин. В. Путину же важно было подчеркнуть свои отличия от предшественника. Это достигалось, во-первых, за счет «встроенной логики» *популизма* в обозначенном выше смысле: подобные смысловые конструкции предполагают прямую¹ или косвенную² критику «других» – политиков, которые не проявляли должной заботы о людях. Во-вторых, важным инструментом противопоставления старого лидера новому / молодому было слово-знак *«политическая воля»*; оно помогало отделять прежние, пустые обещания от новых, внушающих надежду. В первом послании В. Путина Федеральному собранию говорилось: *«Сегодня в России нельзя просто обещать. Обещания уже многократно даны, все сроки их исполнения вышли. Десятилетия трудной и нестабильной жизни – достаточный период, чтобы требовать реальных изменений к лучшему»* [Путин, 2000 л]. Благодаря этим приемам популистские (в указанном смысле) высказывания В. Путина решали двойную задачу: конструировали образ лидера, отвечающего запросам людей, и поддерживали оппозицию старого и нового.

Нарратив о событиях в Чечне: Поражение 1990-х годов в зеркале победы 2000-х годов

Как известно, назначение В. Путина исполняющим обязанности председателя правительства и провозглашение его «преем-

¹ Так, в телеобращении по поводу внесения в Государственную думу пакета законопроектов о «вертикали исполнительной власти»: *«Настал момент отделить партийные, местнические и личные амбиции от жесткой необходимости укреплять государственность и усиливать власть»* [Путин, 2000 д]. Подразумевается, что прежде политическая элита ставила свои амбиции выше государственных нужд.

² Например, в контексте обсуждения поездок по регионам: *«Наш народ заслуживает лучшей судьбы, чем та, которую он до сих пор имеет»* [Путин, 2000 е]. Выражая таким образом сочувствие, говорящий подразумевает, что прежние лидеры недостаточно заботились о «нашем народе».

ником» Ельцина в августе 1999 г. совпали с началом второй военной кампании в Чечне. В отличие от первой чеченской войны, завершившейся выводом федеральных войск из Чечни и де-факто поражением России (вопрос о статусе данной территории был отложен до 31 декабря 2001 г.), вторая чеченская война формально привела к возвращению Чечни в состав Российской Федерации. Этот успех прочно ассоциировался с именем В. Путина. Неудивительно, что тема Чечни играла заметную роль в репрезентации опыта девяностых годов в его выступлениях.

Анализ его рассуждений на данную тему позволяет выявить еще один механизм конструирования оппозиции девяностых и нулевых годов – формирование нарратива, сюжетного повествования, предлагающего связную картину цепи исторических событий. Считается, что данный формат чрезвычайно удобен для трансляции неявных идеологических сообщений, поскольку отбор, в результате которого формируется смысловая схема нарратива, происходит имплицитно [Зенкин, 2003; Gill, 2011; Gill, 2013; и др.]. В. Путин многократно воспроизводил историю о событиях в Чечне в своих интервью. Сравнение этих рассказов позволяет проследить трансформацию нарратива о событиях в Чечне в меняющемся политическом контексте (см. табл. 1).

Поначалу, когда в Чечне шли полномасштабные действия, В. Путин практически не поднимал тему первой чеченской войны. Он начинал рассказ либо с Хасавюртовских соглашений 1996 г., либо с нападения террористов в Дагестане, ставшего поводом для возобновления военных действий в августе 1999 г. При этом он неоднократно подчеркивал, что в середине 1990-х годов Россия де-факто согласилась на самостоятельность Чечни (*«ценой национального позора»*) [Путин, 2000 м]), итогом чего стал *«вакуум власти»* (это выражение воспроизводилось из рассказа в рассказ), которым воспользовались «деструктивные элементы из радикальных исламских организаций», рассматривавшие территорию Чечни как плацдарм для нападения на Россию. После террористических актов в США 11 сентября 2001 г. В. Путин стал особенно педалировать тему международного терроризма, описывая события на Северном Кавказе как прелюдию проблемы, с которой Запад столкнулся несколько позже. Исключение из нарратива событий первой половины 1990-х годов, приведших к формированию де-факто независимого режима Д. Дудаева и неудачной операции по «поддержанию конституцион-

ного порядка» в 1994–1996 гг., позволяло говорить о *терроризме* и *экстремизме*, обходя вниманием неудобную тему *сепаратизма*.

Таблица 1

Конструирование официального нарратива о событиях в Чечне (на материалах выступлений В. Путина, 2000–2004)

Основные элементы сюжета	Их краткое содержание
Распад СССР	Сепаратистские процессы на Северном Кавказе не получали адекватного ответа со стороны власти [Путин, 2004 г]. Начавшийся конституционный процесс в Чечне был в 1991 г. насильственно прерван, и это стало исходной точкой чеченской трагедии [Путин, 2003 в]. Реальная власть оказалась в руках у «экстремистов».
Первая чеченская война	«В результате ряда ошибок как со стороны федерального центра, так и со стороны тех, кто тогда возглавлял Чечню, дело дошло до военных столкновений» [Путин, 2003 д].
Фактическое признание Россией независимости Чечни в 1996 г.	Ценой национального позора Россия де-факто согласилась на независимость Чечни [Путин, 2000 м]. Оттуда ушли вооруженные силы РФ, прокуратура, милиция.
Де-факто независимость Чечни	Но «мы получили не самостоятельное государство Чеченская Республика, а территорию, оккупированную бандформированиями и религиозными экстремистами» [Путин, 2000 м]. Образовался «вакуум власти», который заполнили деструктивные элементы из радикальных мусульманских организаций. Они начали использовать территорию Чечни «в качестве плацдарма для нападения на нашу страну и для раскачивания ее изнутри» [Путин, 2000 м].
Нападение на Дагестан и контртеррористическая операция (вторая чеченская война)	Фундаменталисты «в 99-м году начали новую войну, неспровоцированно напав на Дагестан» [Путин, 2003 а]. Целью международных террористов было создание исламского халифата от Черного до Каспийского моря. «Народ Дагестана взялся за оружие, призывая центральные власти страны оказать им помощь» [Путин, 2003 г]. «Мы» долго терпели, но после нападения на Дагестан и взрывов домов в Москве «окончательно убедились в том, что нам не решить этой проблемы без ликвидации банд террористов на территории самой Чеченской Республики» [Путин, 2000 м].
Наведение порядка в Чечне	Профессиональные военные уничтожили бандформирования и их инфраструктуру. Контртеррористическая операция смогла отвести угрозу распада России [Путин, 2000 л]. Террористы прячутся в горах, способны наносить удары, и силовые структуры России вынуждены отвечать. При этом могут страдать и мирные жители, но отвечают за это террористы [Путин, 2003 д].

Примечание: в таблице даны ссылки на тексты, в которых соответствующие элементы рассказа встречаются в первый раз или ввиду важности формулировок даны в виде

цитаты; часто повторявшиеся элементы даны в обобщающем пересказе и без ссылок на источники.

В 2003–2004 гг. рассказ о событиях в Чечне обогатился новыми сюжетами: В. Путин стал связывать их с распадом СССР, представляя как крайний пример сепаратизма и нерешенных федеративных проблем. Тем самым он снимал ответственность за происшедшее с «чеченского народа», которому теперь нужно было интегрироваться в Российскую Федерацию. При этом о вине федерального центра и «тех, кто тогда возглавлял Чечню», он говорил редко и скупно. Он несколько раз дал понять, что не одобряет действий федеральных властей в начале 1990-х годов [напр.: Путин, 2003 д], воздерживаясь от более подробных комментариев.

Однако это не мешало использовать тему Чечни для легитимации по контрасту. Эффект достигался за счет «распределения ролей» между действующими лицами повествования (см. табл. 2).

Таблица 2

Действующие лица официального нарратива о событиях в Чечне (на материалах выступлений В. Путина, 2000–2004)

Действующие лица 1	Действия / характеристики 2
Федеральная власть 1990-х	Совершила «ошибки», которые привели к «военным столкновениям» [Путин, 2003 д]. Ответственна за «национальный позор» Хасавюртовских соглашений [Путин, 2000 б]. Бросила чеченский народ на произвол бандитов. Нападение на Дагестан в августе 1999 г. – следствие «расхлябанности власти» [Путин, 2004 г.].
Современная федеральная власть / «мы»	«Мы» долго терпели, но после нападения на Дагестан не могли не вмешаться. Должны были как-то реагировать, чтобы защитить людей и свою территорию. Второй раз не допустим ошибки, которая была сделана в 1996 г. – «создания анклава для раскачивания самой России» [Путин, 2001 г.]. Восстанавливаем легитимную власть в Чечне: провели референдум, выборы президента, подписали договор о разделе полномочий между федеральным центром и Чеченской Республикой с предоставлением ей в рамках Конституции РФ больших автономных полномочий. Заботимся о том, чтобы чеченцы ощущали себя полноценными гражданами России.
Чеченский народ	Пережил трагедию сталинской депортации [Путин, 2003 в]. Реально не получил никакой независимости в 1990-е годы. Заплатил своими страданиями за многолетний период клановой борьбы, борьбы за власть и деньги. Стремится к миру, безопасности, нормальной жизни.

Продолжение таблицы 2

1	2
Бандиты / сепаратисты / террористы / экстремисты	Захватили реальную власть в условиях «вакуума власти». «Все обещали, а занимались только фактически расстрелами, грабежами и торговлей людьми» [Путин, 2003 е].
Международный терроризм	Деструктивные силы воспользовались распадом СССР.
Профессиональные военные	Вынуждены были отвечать. Помогли сохранить достоинство и целостность государства.
Цивилизованный мир	Определил свою позицию в отношении борьбы с международным терроризмом. Но не всегда видит связь между международным терроризмом и тем, что происходит в Чечне.

Главным положительным героем путинского нарратива является *современная федеральная власть* («мы», от лица которых в большинстве случаев ведется рассказ). Роль антагонистов отводится *бандитам / сепаратистам / террористам / экстремистам* (выбор терминов в зависимости от контекста – предмет отдельного анализа). *Чеченский народ* – страдательный и пассивный герой рассказа. *Федеральная власть 1990-х* – неглавный герой, основная функция которого – совершение ошибок. Она сначала довела дело до «военных столкновений» [Путин, 2003 д], затем заключила «позорные» Хасавюртовские соглашения, бросив чеченский народ на произвол бандитов, и наконец – собственной «расхлябанностью» спровоцировала нападение на Дагестан [Путин, 2004 г]. Критика ельцинской команды отнюдь не была главной темой путинского нарратива о Чечне. Но раз за разом он рассказывал историю событий так, чтобы подчеркнуть негативные последствия ошибок федеральных властей 1990-х годов и собственную роль в их исправлении.

Заключение

Репрезентируя собственный политический курс по контрасту с предшествующим периодом, В. Путин вольно или невольно участвовал в формировании *мифа о «лихих девяностых»*. Мифы, т.е. упрощающие и эмоционально окрашенные нарративы о реальных или вымышленных событиях и явлениях, разделяемые членами политического сообщества, играют важную роль в организации *коллективной памяти* как совокупности символических конструкций, задающих социальные паттерны воспоминания. Коллективная

память избирательна, она оперирует упрощенными схемами, а не сложными теориями, учитывающими различные нюансы исторических процессов. Опыт девяностых годов, становясь прошлым, тоже должен был подвергнуться подобной редукции. Как я попыталась показать, в формировании системы «символов, закрепляющих воспоминания» [Ассман, 2014, с. 32] об этом периоде, определенную роль играла риторика нового политического лидера.

Следует признать, что В. Путину и его спичрайтерам удавалось находить удачные темы и слова для мобилизации поддержки. Представляется, что секрет этого успеха хорошо объясняет теория политического мифа Кьяры Боттичи, в соответствии с которой современные мифы отвечают на фундаментальную потребность человека – они не просто наделяют вещи смыслом (что могут делать и «просто» слова), но и придают им «значимость» (significance). Одно не тождественно другому: «Нечто может иметь смысл, но оставлять меня совершенно равнодушным; то же, что имеет значимость – это то, к чему я чувствую “близость”» [Bottici, 2007, p. 124]. Слова В. Путина о «трудных девяностых» были важны не только потому, что их говорил глава государства; они придавали «значимость» переживаемому трудному опыту постсоветской трансформации – именно поэтому они вызывали культурный резонанс. Таким образом, формируя образ «стабильных нулевых», Путин вольно или невольно способствовал конструированию мифа о «лихих девяностых».

Список литературы

- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
- Зенкин С. Критика нарративного разума // Новое литературное обозрение. – М., 2003. – № 59. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zen.html> (Дата посещения: 3.05.2018.)
- Левинсон А. 1990-е и 1990-й: Социологические материалы // Новое литературное обозрение. – М., 2007. – № 2. – С. 489–503.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – С. 88–115.
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.

- Малинова О.Ю. Конструирование «либерализма» в постсоветской России (Наследие 1990-х в идеологических битвах 2000-х) // *Полития*. – М., 2017. – № 1. – С. 6–28.
- Петров К.Е. Доминирование концептуальной многозначности: «Сильное государство» в российском политическом дискурсе // *Полис*. Политические исследования. – М., 2006. – № 3. – С. 159–183.
- Путин В.В. «Открытое письмо» избирателям // Портал «Президент России». – 2000 а. – 25 февраля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24144> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Интервью радиостанции «Маяк» // Портал «Президент России». – 2000 б. – 18 марта. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24186> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Выступление на встрече с членами Совета Федерации // Портал «Президент России». – 2000 в. – 17 мая. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22307> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Интервью германским телеканалам АРД и ЦДФ // Портал «Президент России». – 2000 г. – 9 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24205> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Телевизионное обращение к гражданам России // Портал «Президент России». – 2000 д. – 17 мая. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21444> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Интервью газете «Известия» // Портал «Президент России». – 2000 е. – 14 июля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24171> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Интервью телеканалу ОРТ // Портал «Президент России». – 2000 ж. – 7 февраля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24373> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Интервью телеканалу ОРТ // Портал «Президент России». – 2000 з. – 15 января. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24123> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Интервью телеканалу РТР // Портал «Президент России». – 2000 и. – 23 января. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24126> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Выступление на учредительном съезде общероссийского общественно-политического движения «Единство» // Портал «Президент России». – 2000 к. – 27 февраля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24145> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Портал «Президент России». – 2000 л. – 8 июля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Интервью телеканалам ОРТ, РТР и «Независимой газете» // Портал «Президент России». – 2000 м. – 25 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21149> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Интервью главным редакторам газет «Комсомольская правда», «Известия», «Московский комсомолец», «Труд» // Портал «Президент России». – 2001 а. –

- 22 марта. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21207> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Выступление на открытии Конгресса соотечественников // Портал «Президент России». – 2001 б. – 11 октября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21359> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Интервью немецкому журналу «Фокус» // Портал «Президент России». – 2001 в. – 19 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21336> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Интервью британской газете «Файнэншл таймс» // Портал «Президент России». – 2001 г. – 17 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21447> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов // Портал «Президент России». – 2002 а. – 24 июля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21651> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Портал «Президент России». – 2002 б. – 18 апреля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21567> (Дата посещения 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Интервью газете «Нью-Йорк Таймс» // Портал «Президент России». – 2003 а. – 4 октября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22145> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Интервью телеканалам «Первый», «Россия» и НТВ // Портал «Президент России». – 2003 б. – 28 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22229> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Обращение к жителям Чеченской Республики // Портал «Президент России». – 2003 в. – 16 марта. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21939> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Интервью телеканалу «Аль-Джазира» // Портал «Президент России». – 2003 г. – 16 октября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22162> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Стенограмма встречи с журналистами французских региональных изданий и телеканалов // Портал «Президент России». – 2003 д. – 12 февраля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21874> (Дата посещения 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Интервью американским телеканалам // Портал «Президент России». – 2003 е. – 20 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22125> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Встреча с журналистами в избирательном штабе по окончании голосования на выборах Президента России // Портал «Президент России». – 2004 а. – 15 марта. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22383> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В.* Обращение Президента России Владимира Путина // Портал «Президент России». – 2004 б. – 4 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (Дата посещения: 5.05.2018.)

- Путин В.В. Интервью чилийской телекомпании «Канал 13» и газете «Эль Меркурио» // Портал «Президент России». – 2004 в. – 18 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22693> (Дата посещения 5.05.2018.)
- Путин В.В. Выступление Владимира Путина перед доверенными лицами // Портал «Президент России». – 2004 г. – 12 февраля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22393> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Портал «Президент России». – 2005 а. – 25 апреля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Интервью американскому телеканалу «Фокс Ньюс» // Портал «Президент России». – 2005 б. – 17 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23178> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Интервью нидерландскому телеканалу «Недерланд 1» и газете «НРЦ Хандельсблатт» // Портал «Президент России». – 2005 в. – 31 октября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23243> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Заявление для прессы и ответы на вопросы на совместной с Президентом США Джорджем Бушем пресс-конференции // Портал «Президент России». – 2005 г. – 24 февраля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22840> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Стенограмма пресс-конференции для российских и иностранных журналистов // Портал «Президент России». – 2006 а. – 31 января. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23412> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Интервью телеканалу ТФ-1 (Франция) // Портал «Президент России». – 2006 б. – 12 июля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23700> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» // Портал «Президент России». – 2008. – 8 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24825> (Дата посещения: 5.05.2018.)
- Binaries in battle: Representations of division and conflict / Ed. by M. Vuorinen et. al. – Newcastle upon Tyne: Cambridge scholars publishing, 2014. – 301 p.
- Bottici Ch. A philosophy of political myth. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – vii, 286 p.
- Davies M. Opposition and ideology in news discourse. – L., etc.: Bloomsbury, 2013. – 222 p.
- Edelman M. The symbolic uses of politics. – 5 th ed. – Urbana: Univ. of Illinois press, 1972. – 201 p.
- Gill G. Symbols and legitimacy in Soviet politics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – vi, 356 p.
- Gill G. Symbolism and Regime Change in Russia. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – viii, 246 p.
- Halbwachs M. On collective memory / trans. L.A. Coser. – Chicago, Il.: Univ. of Chicago press, 1992. – 254 p.

- Langenbacher E.* Collective memory as a factor in political culture and international relations // Power and the past. Collective memory and international relations. – Wash.: George Town univ. press, 2010. – P. 13–49.
- Müller J.W.* Introduction: the power of memory, the memory of power and the power over memory // Memory and power in post-war Europe. Studies in the presence of the past. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – P. 1–35.
- Olick J.* Collective memory: Two cultures // Sociological theory. – L., 1999. – Vol. 17, N 3. – P. 333–348.